

Любовь Шифнер

*Люди
и судьбы*

Очерки и рассказы

Любовь Шифнер Люди и судьбы. Очерки и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838215
ISBN 9785449359117*

Аннотация

Судьба каждого человека переплетена с эпохой, в которой ему довелось родиться и жить. Большинство людей на Земле находятся в заложниках глобальных событий, происходящих в их странах. Но встречаются и такие личности, которые прямо или косвенно влияют на ход истории. В этом сборнике рассказов и очерков можно узнать много интересных документальных фактов из жизни и деятельности известных людей.

Содержание

Очерки об известных людях	5
Тонкая нить судьбы Саввы Морозова	5
Кем был Ленин для России?	22
Крутые виражи Чапаева	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Люди и судьбы

Очерки и рассказы

Любовь Шифнер

© Любовь Шифнер, 2019

ISBN 978-5-4493-5911-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очерки об известных людях

Тонкая нить судьбы Саввы Морозова

Мой родной город Орехово-Зуево прославился известным в истории России событием – Морозовской стачкой. Поблекшие от старости кирпичные здания фабрик и казарм, построенные для работы и проживания трудового люда, напоминают о тех далёких временах. А ведь в конце восьмидесятых годов девятнадцатого столетия по уровню развития промышленности и концентрации рабочих Орехово-Зуево занимало третье место в России после Москвы и Петербурга.

Сейчас рабочие не бастуют, но и не работают. Текстильное производство, созданное благодаря кропотливому труду нескольких поколений Морозовых, молниеносно было разрушено современными хозяевами-демократами. На старинных зданиях красуются вывески новых офисов и складов, а безработные текстильщики с тоской поглядывают в беспроектное будущее. Что же было в прошлом?

Основателем династии Морозовых считается Савва Васильевич, родившийся в 1770 году в семье старообрядцев в селе Зуеве, хотя в 1934 году на древнем старообрядческом кладбище было обнаружено богатое надгробье его отца Василия.

Жизнь Саввы полна загадок и невероятных удач. Будучи крепостным крестьянином, он решил откупиться от рекрутства и устроился ткачом на шёлковую фабрику. Заработанных денег хватило не только на выполнение этой задачи, но и на открытие текстильной мастерской. Хотя существует легенда, что благодаря полученным в приданое за жену пяти рублям, предприимчивый Савва открыл собственное дело. Так или иначе, Савва приобрёл станок и начал выпускать кружева и ленты. Московский пожар 1812 года уничтожил все столичные ткацкие предприятия, и спрос на текстильную продукцию резко возрос. Вся семья Саввы работала не покладая рук, а он с лентами и кружевами направлялся за девяносто километров пешком в Москву и продавал свой товар богатым горожанам. Дела пошли так успешно, что уже в 1820 году Савва Васильевич выкупил себя и свою семью из крепостничества за 17 тысяч рублей, а через три года приобрёл землю близ села Орехова. Там он построил фабрику, жильё для рабочих, и поселение назвали Никольским в честь освещения первой текстильной фабрики в день Николая Чудотворца.

Конечно, не все доверяли рассказам о чудесном и скоропалительном превращении крепостных Морозовых в богатых фабрикантов. Возможно, отсутствие документов способствовало обрастанию этой семьи легендами. Ходили слухи об ограблении, печатанье фальшивых денег, что было распространено, по мнению властей, именно в среде старо-

веров. Такие выводы весьма сомнительны, староверы были глубоко верующими людьми. Открытие чудесной краски для тканей тоже рассматривалась, как причина внезапного успеха. Некоторые исследователи пытались найти связь этой семьи с потомками боярыни Морозовой, обвинённой и погибшей в 17 веке за приверженность к старообрядчеству. По дошедшим до нас сведениям сын Морозовой умер в 21 год сразу после ареста матери. А может быть, парня спасли друзья боярыни и отправили в Гуслицы, край, расположенный к востоку от Москвы, куда бежали старообрядцы в то лихое время. Морозовы скромно помалкивали и не стремились разрушать таинственную оболочку вокруг себя.

В восемьдесят лет Савва Васильевич отошёл от производственных дел и передал бразды правления своим сыновьям, а в девяносто лет умер.

Никольское перешло во владение его младшего сына Тимофея. Это был очень суровый, но умный и энергичный человек, как вспоминала о нём дочь Юлия Тимофеевна. После удачной женитьбы на дочери богатого московского купца преуспевающий фабрикант расширил производство, добился, чтобы строящаяся железная дорога на Москву проходила через Никольское. Даже полицию в поселении держал за свой счёт. Вскоре сын бывшего крепостного стал известной личностью.

Тимофею Савичу присвоили почетное звание мануфактур-советник, он был избран в Московскую городскую ду-

му, председателем Московского биржевого комитета и Купеческого банка, членом правления Курской железной дороги. Но алчность фабриканта не знала границ. Он умудрялся каждый год уменьшать зарплату рабочим, а введённые штрафы за малейшую провинность частенько оставляли рабочих без зарплаты. Это вынуждало их брать продукты в фабричных продовольственных лавках с процентами, залезая во всё большую кабалу к хозяину. Такой беспредел не мог долго продолжаться, рабочие не выдержали гнёта, и в 1885 году началась первая в России стачка, получившая название Морозовской.

Толпы рассвирепевших людей направились громить контору, лавки, квартиры начальников. Прибывшие войска не сразу утихомирили бунтующих рабочих, несколько дней продолжалось противостояние. Зачинщиков стачки арестовали, но по указу властей состоялось судебное разбирательство, и бедственное положение рабочих вышло наружу. Последствия для фабриканта были печальными. В глазах присутствующих из свидетеля Тимофей Савич превратился в обвиняемого.

С горечью вспоминал те события его сын Савва: «В бинокли на него смотрят, как в цирке. Кричат: „Изверг! Кровосос!“. Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на гладком паркете – и затылком об пол, как нарочно перед самой скамьей подсудимых. Такой в зале поднялся глум, что председателю пришлось прервать

заседание». Тимофей Савич согласился выполнить требования бастующих: отменил штрафы, уволил ненавистных рабочим служащих, но сам он не смог дальше управлять своей вотчиной – серьёзно заболел. «Продать ее, а деньги – в банк», – так намеривался он поступить с фабрикой. Жена его, Мария Фёдоровна, воспротивилась такому решению. Фабрики стали её собственностью, но управление производством она поручила сыну Савве.

С именем Саввы Морозова связано дальнейшее развитие текстильного производства и необычные для того времени социальные преобразования. Савва Тимофеевич родился 3 февраля 1862 года. Под стать отцу он был энергичным, своенравным и упорным человеком. Савва охотно учился, и после успешного окончания гимназии поступил на физико-механический факультет Московского университета. Будущего фабриканта интересовали не только технические дисциплины. Он изучал философию, посещал лекции по истории В. О. Ключевского. Для углублённого изучения химии Савва отправился в Англию в Кембридж. Там же он работал над диссертацией, интересовался текстильным производством.

Своенравие Саввы проявилось в самом начале его управленческой деятельности. Он обновил оборудование, организовал строительство жилья для рабочих. Не раз отец возмущался нововведениями сына, упрекал его в излишней расточительности. «А в добрые минуты, совсем уже старенький –

гладит меня, бывало, по голове и приговаривал: Эх, Савушка, сломаешь ты себе шею», – вспоминал Савва слова отца. В 1889 году Тимофей Савич умер. Если бы мог предполагать сын, что сбудется пророчество отца. Но это случится через много лет. А пока, засучив рукава, он с энтузиазмом взялся за работу. «Пришлось мне попотеть, – вспоминал потом Савва Тимофеевич. – Оборудование на фабрике допотопное, топлива нет, а тут конкуренция, кризис. Надо было все дело на ходу перестраивать». Инженер Никольской мануфактуры рассказывал о Савве Тимофеевиче: «Возбужденный, суетливый, он бегал вприпрыжку с этажа на этаж, пробовал прочность пряжи, засовывал руку в самую гущу шестеренок и вынимал ее оттуда невредимой, учил подростков, как надо присучивать оборванную нитку».

В новых кирпичных казармах всё было предусмотрено для удобной жизни людей. На каждую семью выделялась отдельная комната, обставленная необходимой мебелью; на этажах – просторные светлые кухни, промывные туалеты. В подвале – прачечная. Помыться можно было в бане, в крупном каменном сооружении с настоящей русской печью. Вплоть до конца советского периода она была открыта для всех желающих, любителей хорошо попариться хватает во все времена. Проживание в казармах было бесплатное. Для оплаты съёмных квартир рабочие получали пособие. Савва Тимофеевич уделял большое внимание детям рабочих. Для них было организовано начальное и профессио-

нальное обучение.

Построенная в те далёкие времена больница, до сих пор функционирует и называется Морозовской. Огромные кирпичные корпуса с просторными палатами и кабинетами и сегодня вызывают удивление и восхищение. Для снабжения больницы, яслей и богадельни мясомолочной продукцией в хозяйственных пристройках держали коров и кур.

На окраине поселения был разбит прекрасный зелёный парк. Здесь рабочие отдыхали, по праздникам приносили самовары, накрывали столы, весело с песнями и плясками проводили время. У входа в парк возвышалась открытая сцена, знаменательная тем, что на ней 7 августа 1918 пел Фёдор Шаляпин. Савва был инициатором постройки летнего театра, а позднее, в 1904 году, каменного здания театра на 1350 мест. Смерть фабриканта приостановила строительство, и только в 1912 году двери театра распахнулись для публики. Ни один губернский город России не имел подобного театра для рабочих. Любительская труппа и сейчас радуется горожан своим профессиональным мастерством, а театр получил почётное звание «народный».

Морозовская фирма за новые жилые постройки для рабочих была отмечена серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже в 1900 году.

Савва Тимофеевич проявил упорство не только в реорганизации текстильного производства, но и в собственной жёнильбе. Он влюбился в Зинаиду, жену своего троюродного

племянника, настоял на её разводе, и, несмотря на протесты со стороны родственников, перед окончанием университета обвенчался с ней. Мать Саввы часто выговаривала ему: «Уж порадовал ты меня, Саввушка. Первый жених на Москве, а кого в дом привёл... Что бесприданница твоя Зиновия – ещё полбеды, разводка, вот что плохо. Мало ли в Москве достойных фамилий, а ты Зимину взял, дочку купца второй гильдии, да ещё мужнюю жену, от племянника увел». Савва не любил роскоши, но для любимой жены заказал особняк у талантливого архитектора Фёдора Осиповича Шехтеля в модном в конце девятнадцатого века неоготическом стиле. Своеобразная архитектура здания придавала ему сходство со средневековым сказочным замком. Это оригинальное строение и сейчас является украшением Москвы. Интерьер дома также великолепен и почти не изменился с тех давних пор. Панно на стенах, выполненные знаменитым художником Врубелем, мраморные колонны придают элегантность и загадочность залам и комнатам. Под стать оригинальной отделке была дорогая мебель, хрустальные люстры. Не случайно в этом здании расположился МИД России и проводит в нём приёмы важных гостей страны.

Но Максиму Горькому ни этот особняк, ни его хозяйка не приглянулись. По воспоминаниям пролетарского писателя дом Морозовых был похож на «скучный и огромный мавзолей, зачем-то построенный не на кладбище, а в улице». А Зинаиду Григорьевну Горький наделил професси-

ей мотальщицы, якобы работавшей ранее на фабрике, где с ней и познакомился племянник Саввы. «Максима Горького люблю и уважаю, а с Алексеем Максимовичем Пешковым не дружу», – своеобразно отозвалась о пролетарском писателе Зинаида Григорьевна в своём дневнике.

У известного поэта Андрея Белого есть строки об этой женщине: «В комнату вошла Сказка тихими неслышными шагами. У нее было светло-серое платье, и на нем были нашиты серебряно-бледные листья. В рыжих волосах горела бриллиантовая звезда. Она ступала тихо и мягко, как бы пряча свое изящество в простоте. Это был верх аристократической естественности».

Зинаида Григорьевна обожала роскошь и ни в чём себе не отказывала, но по-прежнему оставалась любящей женой и заботливой матерью четверых детей. Богатые пышные приёмы в доме Морозовых были престижными. Савва Тимофеевич не любил светских развлечений, да ему и некогда было участвовать в подобных мероприятиях. Их инициатором была гостеприимная хозяйка, дружеское расположение которой искали многие знатные особы.

И вдруг у такой блестящей женщины появилась опасная соперница, актриса Московского Художественного театра Мария Андреева.

Увидев её на сцене, фабрикант Морозов был настолько покорён, что началась его щедрая меценатская деятельность не только в пользу театра, но и на нужды боевой организации

РСДРП, в члены которой вступила очаровательная актриса. Андреева – это сценический псевдоним Юрковской. Выйдя замуж за крупного чиновника Желябужского, Мария не смогла быть просто женой и матерью двоих детей. Пылкость натуры требовала большего. Вначале это было увлечение игрой в театре, а впоследствии революцией. Такое совмещение интересов давало неплохие результаты. Савва Морозов и Максим Горький – главные трофеи Андреевой, преподнесённые большевикам. Достижения Марии высоко оценил вождь пролетарской революции товарищ Ленин, присвоив Андреевой партийную кличку «Товарищ Феномен». «Надо сагитировать Марию Федоровну, так как она более активно может взяться и сделать, чем тяжелый на подъем, Алексей Максимович», – вспоминал потом революционер Г. Петровский высказывание Ленина.

Плоды страстного увлечения Саввы Морозова женщиной-феноменом не заставили себя долго ждать. Он стал чужим в собственном доме, на его деньги было построено новое здание театра МХАТа, а революционеры регулярно получали материальную поддержку. В Москве поползли слухи об увлечении богатого промышленника актрисой. Но жена Саввы держалась стойко, по-прежнему устраивала пышные приёмы в богатом особняке.

Режиссер театра Станиславский написал Андреевой осуждающие строки: «Отношения С. Т. к Вам – исключительные. Это те отношения, ради которых ломают жизнь,

приносят себя в жертву, и Вы это знаете. Но знаете ли Вы, до какого святотатства Вы доходите?.. Вы хвастаетесь публично перед почти посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем». Андреева ничуть не смутилась и продолжала свою игру.

Через Андрееву состоялось знакомство Саввы с ведущими революционерами. По просьбе любимой женщины он прятал от властей Леонида Красина и Николая Баумана. Большевистские газеты «Искра», «Борьба» и «Новая жизнь» выпускались тоже за счёт богатого мецената. Кстати, издательницей последней была Андреева. Не без оснований обвинил Савву Морозова Председатель Кабинета министров Витте в том, что тот «питал революцию своими миллионами».

Савва революционером не стал. Он лишь сочувствовал рабочему классу, мечтал о демократических переменах в обществе. Богатый предприниматель «внимательно следил за работой Ленина, читал его статьи и однажды забавно сказал о нем: – Все его писания можно озаглавить: «Курс политического мордобоя» или «Философия и техника драки», – вспоминал Максим Горький.

Появление Горького в жизни актрисы было нелёгким испытанием для Саввы. Ради Маруси, так ласково Алексей Максимович называл Андрееву, пролетарский писатель оставил жену и двоих детей. Андреевой жертвовать детьми

не пришлось – они давно находились на попечении родной сестры. Актрису и писателя связывало не только искусство, общими были идейные устремления. Горький писал: «Подлинную революционность я почувствовал именно в большевиках, в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ними. Я к ним и „примазался“ еще в 1903 году».

Несмотря на близкие отношения Андреевой с известным писателем, режиссёры театра Станиславский и Немирович-Данченко отдавали предпочтение таланту актрисы Ольги Книппер. Главные роли в театре всё чаще доставались ей. С таким положением Андреева долго не могла мириться, и в 1904 году покинула сцену. Преданность Саввы своему кумиру не знала границ. Он тут же заявил, что более не несёт перед МХАТом никаких финансовых обязательств, и решил создать в Петербурге новый театр, руководить которым будут Андреева и Горький. Революция 1905 года помешала осуществлению его грандиозных замыслов.

Морозов не смог противостоять маститому сопернику, и вынужден был налаживать отношения с женой, и не без успеха. Через год у них родился четвёртый ребёнок – сын Савва. «Экий омерзительный человек, в самом деле! – в сердцах однажды воскликнул Савва Тимофеевич, крепко поругавшись с Максимом Горьким. – Зачем он представляется босяком, когда все вокруг отлично знают, что его дед был богатым купцом второй гильдии и оставил семье боль-

шое наследство?»

Шёл 1905 год, в стране наступили тревожные времена, назревала первая русская революция. После кровавого воскресения волнения рабочих усилились и охватили многие города России. Орехово-Зуево не было исключением.

Немалую роль в формировании революционного настроения рабочих Морозовской мануфактуры сыграл Леонид Красин, которого пристроил Савва руководить строительством электростанции ещё в 1904 году. Красин хорошо разбирался не только в электричестве, но и в изготовлении взрывных устройств. Недаром он возглавлял Боевую техническую группу при большевистском руководстве. Экспроприации Красина заключались в организации бандитских налётов на банковские экипажи с целью захвата денег. В Москве в квартире Горького была оборудована мастерская Красина, которую зорко охраняли грузинские боевики легендарного Камо. Именно здесь были сконструированы бомбы, взорвавшиеся в резиденции Столыпина в августе 1906 года. В этот раз Столыпин не пострадал, но в результате взрыва 32 человека были убиты и десятки получили ранения. Террористические акции набирали обороты. «Красин мечтал создать портативную «бомбу величиной с грецкий орех», – вспоминал Троцкий. Боевые заслуги Красина были высоко оценены соратниками, и его назначили казначеем ЦК.

Наконец, Савва осознал, какую угрозу для общества представляют пламенные революционеры, и прекратил денежные

вливания в их казну. Такой поворот не устраивал большевиков, они попытались надавить на спонсора, но Савва был непреклонен, большевики тоже.

В начале 1905 года на Морозовской текстильной мануфактуре началась массовая забастовка. Савва решил пойти на компромисс. Он попросил у своей матери доверенность на ведение дел, чтобы договориться с рабочими и выполнить их требования. Но мать, по-прежнему, возглавлявшая мануфактуру, категорически отказалась идти на поводу рабочих. Когда сын попытался возразить, она заявила: «И слушать не хочу! Сам не уйдёшь – заставим!» И она выполнила угрозу – Савва был отстранён от руководства.

По воспоминаниям близких и знакомых весной у Саввы началась страшная депрессия. Причины назывались разные, в том числе конфликт с матерью. Возможно, действия мамы задело его самолюбие, но никоим образом не коснулось его материального достатка. Морозов оставался богатым промышленником. Ему принадлежали рудники, лесозаготовки, химические заводы, больницы, газеты. Разрыв с Андреевой произошёл несколько лет назад и тоже не мог стать причиной нервного срыва.

Удивляет поступок сорокатрёхлетнего Саввы по оформлению своего страхового полиса на огромную по тем временам сумму денег, ста тысяч рублей, без указания фамилии получателя, то есть, «на предъявителя». По сути, это был смертный приговор, подписанный собственной рукой.

Что или кто вынудил Савву поступить таким опрометчивым образом – осталось загадкой. Когда пришло время забрать деньги, предьявитель нашёлся. Документ оказался в руках Андреевой, и, по словам бывшей возлюбленной Морозова, это было актом проявления заботы о ней.

15 апреля 1905 года Савва Тимофеевич вместе с женой и доктором отправился во Францию, в Канны. Такое решение приняли на семейном совете, чтобы удалить Савву от опасных друзей, а заодно поправить здоровье. Видимо, уже тогда по Европе бродил не только «призрак коммунизма», но и его агенты. Позднее Зинаида Григорьевна вспоминала, что около их дома во Франции постоянно отирались некие подозрительные личности.

13 мая в апартаментах Морозова прогремел выстрел. Зинаида Григорьевна вбежала в комнату мужа и обнаружила его с простреленным сердцем. Через распахнутое окно она заметила убегающего человека. Рядом с телом убитого полиция нашла две записки. В одной было написано: «Долг – платежом. Красин». В другой – посмертное обращение Саввы, в котором он просил никого не винить в его смерти. Почерк последней записки был похож на почерк Красина. Личный врач Морозова с удивлением отметил, что руки убитого были аккуратно сложены на животе, глаза закрыты. Доктор сомневался, что самоубийца мог это сделать без посторонней помощи. До конца своей жизни Зинаида Григорьевна не верила в самоубийство Саввы и утверждала, что в Каннах

её мужа посещал Красин. По настоянию матери погибшего была принята официальная версия – самоубийство на почве нервного срыва. «Оставим все как есть. Скандала я не допущу», – решила она.

«В этой смерти – есть нечто таинственное», – писал Горький Е. Л. Пешковой, услышав о смерти Морозова и еще не зная, что произошло.

Родственники Морозова опротестовали право Андреевой распоряжаться полисом, но дело проиграло. «Ведал всеми этими операциями – Красин», – писала Андреева в письме Н. Е. Буренину, соратнику Ленина. Большая часть полученных денег по полису пошла в большевистскую кассу. Около 28000 рублей было передано Е. Ф. Крит – сестре Андреевой, у которой воспитывались её дети. Сама Андреева вместе с «буревестником революции» приступила к выполнению нового задания большевистского комитета по сбору денег. С этой целью они отправились в Нью-Йорк с рекомендательным письмом Исполкома РСДРП и личной запиской Ленина. Максим Горький в своих страстных выступлениях перед американцами разоблачал кровожадную политику царизма и просил денег на поддержку революции в России.

После победы революции в 1917 году Ильич не забыл заслуги Андреевой, и вручил ей портфель комиссара театров и зрелищ Петрограда и его окрестностей.

Савву Морозова новая власть вспоминала, как богатого фабриканта-эксплуататора, стараясь придать забвению его

крупные денежные вклады, которые пошли на революционное дело.

Но память об этом выдающемся человеке осталась в сердцах простых людей. На средства работников Никольской мануфактуры была создана икона Святого Саввы Стратилата, которая находится в церкви Рождества Богородицы в селе Нестерово близ Орехово-Зуева. Внизу иконы прикреплена латунная плита с надписью: «Сия святая икона сооружена служащими и рабочими в вечное воспоминание безвременно скончавшегося 13 мая 1905 незабвенного директора Правления, заведовавшего фабриками Товарищества, Саввы Тимофеевича Морозова, неустанно стремящегося к улучшению быта трудящегося люда».

Постскриптум

В 1992 году краевед Орехово-Зуева Владимир Сергеевич Лизунов написал серию работ об истории города. Рассказывая о династии Морозовых, он упомянул икону Святого Саввы Стратилата. Около столетия икона олицетворяла дань уважения выдающемуся человеку своей эпохи Савве Тимофеевиче Морозове, а после широкой огласки историческая реликвия была украдена. Горько и стыдно за таких представителей нашей эпохи, которые ради наживы идут на любое преступление.

Кем был Ленин для России?

До сих пор нет однозначной оценки личности Владимира Ильича Ленина. Коммунисты продолжают воспевать вождя революции и посвящать ему раболепные оды. Находятся сторонники Ильича и среди простых людей, зомбированных коммунистической пропагандой в недалёком прошлом. Простодушные защитники считают, что учение доброго дедушки Ленина нещадно исказили его последователи. Благодаря интернету и доступной информации, сегодня всё тайное становится явным.

Чтобы захватить власть в России, Ильич прибыл из Европы вместе со своими соратниками весной 1917 года.

Об этом периоде истории страны рассказал известный русский советский писатель Владимир Солоухин в своём романе «Последняя ступень»: «Наше поколение, наверное, не знает, что для совершения государственного переворота в России группа революционеров-экстремистов была привезена из Швейцарии через Германию в запломбированном вагоне. А вот и список лиц, находившихся в запломбированном вагоне: В. И. Ленин с супругой, Г. Сафаров, Гр. Усиевич, Елена Кон, Инесса Арманд, Н. Бойцов, Ф. Гребельская, Е. и М. Мирингоф, Сквнон Абрам, Г. Зиновьев (Апфельбаум) с супругой и сыном, Г. Бриллиант, Моисей Харитонов, Д. Розенблюм, А. Абрамович, Шнейсон, М. Цхакая, М. Гобер-

ман, А. Линде, Айзентук, Сулишвили, Равич, Погосская».

Надо отметить, что Ленин оказался хорошим стратегом в борьбе за власть. В той неразберихе, которая последовала в России после Февральской революции, он сумел добиться желаемого. Власть оказалась в руках большевиков, но вместо обещанной земли, хлеба и мира народ получил красный террор.

Что можно было ждать от Ильича, если в дореволюционный период он умудрился судиться со своими крестьянами из-за земли, о чём сообщил Александр Солженицын в своём исследовательском произведении «200 лет вместе».

Ленин ненавидел Запад, но ездил туда охотно.

Первая длительная поездка Ильича за границу началась в апреле 1895 года. 25-летний марксист побывал в Швейцарии, посетил Зальцбург, Париж и Берлин, где встречался с жившими там российскими единомышленниками. А заодно, как он писал матери, пытался излечиться от «надоевшей болезни желудка». Находясь в Берлине, будущий вождь мирового пролетариата каждый день купался в реке Шпрее, о чем также сообщал в письмах матери, заодно прося ее прислать ему «еще рублей сто» (немалые по тем временам деньги).

Когда похолодало и купаться уже стало невозможно, отдохнувший Ленин вернулся в Петербург, где активно занялся нелегальной деятельностью. В конце концов, он был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь. Но после Шушен-

ского без проблем получил заграничный паспорт и снова отправился в Германию и Швейцарию», – рассказала политолог и писатель Татьяна Грачева в своей книге «Невидимая Хазария».

Остановлюсь ещё на одном примере, который демонстрирует нравственную сущность «гения» Ленина.

Владимир Солоухин в книге «При свете дня» поведал об Ильиче историю, основанную на воспоминаниях жены вождя пролетариата – Надежды Константиновны Крупской:

«Крупская в своих воспоминаниях о нем рассказывает, как однажды в Шушенском Ленин охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга – ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. (Как тут не вспомнить русскому человеку про деда Мазая!) Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек. Надежда Константиновна рассказывает об охотничьем подвиге антипода некрасовского деда Мазая с завидным благодушием. Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков для Ленина характерный штришок».

Но это только мелкий штришок к портрету вождя. Основная картина вырисовывается от деяний Ленина на посту главы государства.

У вождя пролетариата находились достойные соратники,

как Троцкий (Лейба Бронштейн), который когда-то цинично заявил:

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока...

Мы прольем такие потоки крови, перед которыми побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть евреев и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть».

Первые концентрационные лагеря в России появились благодаря Ленину и Троцкому. По меткому замечанию Александра Солженицына, вождя пролетариата можно назвать основателем «Архипелага ГУЛАГ». В августе 1918 года Ильич отправил телеграмму Пензенскому Губернскому исполкому, в которой требовал «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».

Ленин не мудрствовал. Его приказы и распоряжения по поводу разного рода нарушений чаще всего заканчивались словами: «Расстрелять» либо «Повесить».

Подобное распоряжение он направил председателю Исполкома Пензенской губернии В. В. Кураеву, председателю

Совдепа Е. Б. Бош и председателю Пензенского губкома партии А. Е. Минкину 11 августа 1918 года:

«...Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать.

Повесить (непреренно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

Опубликовать их имена.

Отнять у них весь хлеб.

Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц – кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потверже».

Уполномоченному Наркомпрода, А. К. Пайкейсу Ленин рекомендует «назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Террор был направлен не только против людей, которые сопротивлялись новой власти физически, но и против инакомыслия. Лидер рабочей оппозиции А. Г. Шляпников в 1922 году обозвал Ленина за жестокость «пулеметчиком». По этому поводу Ильич ответил:

«...Когда вся армия отступает... тут иногда достаточно и немногих панических голов, чтобы все побежали. Тут

опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют «стреляй! О пулеметах речь идет для тех людей, которые у нас теперь называются меньшевиками, эсерами...»

Вот так звучит воспоминание В. М. Молотова о Ленине: «Строгий был, В некоторых вещах строже Сталина. Почтайте его записки Дзержинскому. Он нередко прибегал к самым крайним мерам, когда это было необходимо... На месте стрелять, и все! Такие вещи были. Это диктатура, сверхдиктатура... Ленин – человек крепкого характера. Если нужно, он брал за шиворот... Когда дело касалось революции, Советской власти, коммунизма, Ленин был непримирим»

Документы из ленинских архивов пестрят призывами к применению насилия. Вот некоторые из них: «тайно подготовить террор: необходимо и срочно»; «постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, «на плечах» Бала-ховича перейти где-либо границу хоть на 1 версту и повесить там 100— 1000 их чиновников и богачей); «под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 руб. за повешенного»; или: о высылке из России меньшевиков, эсеров, кадетов, «несколько сот выслать безжалостно»,

Ленин перефразировал известное выражение «Если враг не сдается, его уничтожают» новой трактовкой: «Если сдает-

ся – его тоже уничтожают».

В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин откровенно высказался, что «без смертной казни по отношению к эксплуататорам (т.е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни есть революционное правительство»

В статье «Как буржуазия использует ренегатов» им озвучивается та же идея: «Ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется... весь вопрос только в том, против какого класса направляется данным правительством оружие смертной казни».

Примечательно рассуждает вождь пролетариата в статье «Как организовать соревнование?»

«В одном месте, – писал он, – посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве».

Как видим, трудно было миновать расстрела даже тем, кто уклонился от работы. И не важно по какой причине.

Юрист Ленин игнорировал судебные разбирательства и даже предлагал «Ввести расстрел за недисциплину...»

Вождь мирового пролетариата был скор на расправу не только с населением России. В работе «Привет венгерским рабочим» Ленин рекомендовал: «Будьте тверды. Если проявляются колебания среди социалистов, вчера прикнущих к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел – вот законная участь труса на войне».

«Хотя, по инициативе т. Дзержинского после взятия Ростова и была отменена смертная казнь, но в самом начале делалась оговорка, что мы нисколько не закрываем глаза на возможность восстановления расстрелов», – отметил Ленин.

В письме в Политбюро ЦК РКП (б) Ленин подчеркнул: «Московский комитет (и т. Зелинский в том числе) уже не первый раз фактически послабляет преступникам-коммунистам, коих надо вешать»

Изучив проект вводного закона к уголовному кодексу РСФСР, Ленин написал в мае 1922 года примечательное письмо Д. И. Курскому:

«т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически – узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом Ленин».

Соратники Ленина охотно поддерживали политику террора. Неслучайно появилось постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 15 февраля 1919 года: «...взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны» (Декреты Советской власти Т. 4. М., 1968. С. 627).

Товарищ Сталин оказался прилежным учеником Ильича и успешно продолжил его дело в том же жестоком виде. Ещё в двадцатых годах Сталин написал: «Компартия – своего рода орден меченосцев внутри государства советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность».

Наряду с террором в большевистской России использовались и другие способы прессыования непокорных граждан.

Голод был одним из таких действенных вариантов.

«Большевики запретили ввоз провизии в Петроград, солдаты караулили на всех железнодорожных станциях и отнимали все, что привозили. Рынки подвергались разгромам и обыскам; арестовывали продающих и покупающих», –

вспоминала фрейлина императрицы А. Вырубова.

Сами вожди пролетариата не голодали. «...Красной кетовой икры было в изобилии... Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции», – рассказывала Н. Седова – жена Троцкого.

С 1921 по 1923 года от голода страдало население 35 губерний. Исследуя причины голода в России, Роберт Конквест написал книгу «Террор Голодом, в которой сделал неутешительный вывод, что «Страшный голод 1921 г. произошёл не потому, что кто-то принял решение уничтожить крестьян таким методом. Утверждать, что он произошёл стихийно, тоже неверно. Погода была плохой, но уж не настолько, чтобы вызвать подобное бедствие. Главным фактором голода был метод Советского правительства добывать хлеб с помощью реквизиции».

Даже сегодня трудно обнаружить истинные цифры размаха красного террора в России.

«Во множестве расстреливаемые, и топимые целыми баржами, заложники и пленные: офицеры – были русские, дворяне – большей частью русские, священники – русские, земцы – русские, и пойманные в лесах крестьяне, не идущие в Красную армию, – русские. И та высоко духовная, анти-анти-семитская русская интеллигенция – теперь и она нашла свои подвалы и смертную судьбу. И если бы можно было сейчас восстановить, начиная с сентября 1918, именные списки расстрелянных и утопленных в первые годы советской вла-

сти и свести их в статистические таблицы – мы были бы поражены, насколько в этих таблицах Революция не проявила бы своего интернационального характера – но антиславянский. (Как, впрочем, и грезил Маркс с Энгельсом.) Вот это – то и вдавило жестокую печать в лик революции – в то, что больше всего и определяет революцию: кого она уничтожала, – безвозвратно, непоправимо уводя убитых и из этой грязной революции, и из этой обречённой страны, из состава этого заблужденного народа. В этом-то духе еврейскому народу и следует отвечать за своих революционных головорезов, и за готовые шеренги, пошедшие к ним на службу. Не перед другими народами отвечать, а перед собой и перед своим сознанием, перед Богом», – рассуждал Александр Солженицын в своей книге «200 лет вместе».

«Когда Горький стал заступаться за интеллигенцию и сказал Ленину, что это все-таки мозг нации, Ленин рассмеялся и ответил, что это не мозг, а «говно» (буквально) и что «пора бы вам понять, дорогой Алексей Максимович, что политика вообще дело грязное и кровавое», – об этом факте рассказал Владимир Солоухин в книге «Последняя ступень».

По расчётам профессора И.А Курганова население СССР за время с 1917 по 1959 г. потеряло 110,7 миллионов человек в виде прямых потерь – убитыми, казненными, умершими от голода и его последствий, и косвенных – из-за снижения рождаемости и повышения смертности.

В это число вошли и потери во Вторую мировую войну,

стоившую 44 млн. чел. А еще 66,7 млн. чел. – это следствие коммунистической революции и ее развития.

В книге «Царизм и революция» Арсений Гулевич – русский по рождению, француз по подданству, указал, что прямые потери от революции составляли 49 миллионов жизней.

В своём выступлении в Париже 16 февраля 1924 года русский поэт и писатель Иван Бунин так охарактеризовал вождя пролетарской революции:

«...Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!»»

...И если все это соединить в одно – ...и шестилетнюю державу бешеного и хитрого маньяка и его высовывающийся язык и его красный гроб и то, что Эйфелева башня при-

нимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга и о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу...»

Владимир Солоухин так охарактеризовал вредоносную деятельность Ленина:

«...На Владимира Ильича Ленина ложится вина не только за все, что он натворил лично с 1917 по 1924 год, но за все, что, идя по его пути, исполняя его заветы, натворила созданная им партия. Если бы судить лично Ленина, то хватило бы для смертного приговора убийства, например, безвинной царской семьи или одного безвинного Гумилева».

Таким образом, можно сделать вывод, что «Гений Ленина» уничтожил цвет нашей нации, организовал кровопролитную гражданскую войну. Ильич со своей бандой были настоящими террористами, которые не умели созидать, а лишь разрушать. Страну после разрухи восстановил простой народ, вопреки бесчеловечным условиям жизни.

Крутые виражи Чапаева

*– Василий Иванович, а что такое демократия?
– Это, Петька, когда ты можешь говорить, что
угодно и кому угодно,
не взирая на лица: будь это я или Фурманов...
И ничего тебе за это
не будет: ни сапог, ни телогрейки, ни даже
портянок.
Анекдот 90-х годов*

Кто не слышал об этом легендарном герое? Сейчас имя Василия Ивановича упоминают лишь в анекдотах, а раньше на примере героической жизни Чапаева, показанной в одноименном романе Фурманова и фильме Васильевых, воспитывали молодых строителей социализма и коммунизма.

В восьмидесятые годы прошлого столетия мне пришлось побывать по служебным делам в Балакове, провинциальном городке Саратовской области. Кто-то из местных жителей порекомендовал мне посетить дом-музей Чапаева. Было любопытно посмотреть и узнать, где и как жил Василий Иванович, я отправилась по указанному адресу. После долгого плутания по частному сектору бывшей Сиротской слободы, где раньше жили грузчики, ломовые извозчики, пристанская беднота города, я подошла к небольшому деревянному дому, огороженному простым частоколом, и спросила проходяще-

го мимо пожилого мужчину, здесь ли жил Чапаев.

– Так точно, – остановился он и указал рукой на табличку с названием музея. – Между прочим, многие наши жители пострадали от этого героя, – с горечью сообщил прохожий.

– А что такое произошло? Ведь Василий Иванович боролся с белогвардейцами, защищая бедноту.

– Так-то оно так. Но когда бандиты убили его младшего брата, он такую Варфоломеевскую ночь устроил в городе, что это событие до сих пор вспоминают наши старожилы с содроганием. После страшного известия выскочил Чапаев вместе со своими напарниками, как начали они махать саблями. Рубили всех подряд, кто им попался: и правых и виноватых.

– Да, гражданская война никого не щадила. Трудно было разобраться, кто свой, кто чужой, – попыталась я защитить народного героя.

Мужчина неуверенно пожал плечами и продолжил свой путь, я направилась к музею-избушке. Трудно было представить, что это крохотное жилище когда-то принадлежало семье легендарного командира. Открыв входную дверь, я очутилась в просторных сенях. В хорошо освещённом помещении на стенах висели стенды с фотографиями, какие-то документы, письма. Только я собралась рассмотреть представленную экспозицию, как из соседней комнаты показалась приветливая женщина средних лет.

– Начните знакомство с жилого помещения, – посовето-

вала она. – Если возникнут вопросы, я постараюсь помочь.

Я поблагодарила работницу музея и последовала за ней, оказавшись единственной посетительницей в это утро.

– Неужели у Василия Ивановича была всего лишь одна комната? – любопытовала я.

– Да, и в ней жили ещё его родители, жена и дети.

Я окинула удивлённым взглядом полупустую горницу с бревенчатыми стенами.

– Здесь прошли детские и юношеские года Чапаева, – пояснила служащая. – Но родился Василий Иванович 28 января 1887 года совсем в другом месте – в деревне Будайка, Чебоксарского уезда, Казанской губернии. Не от хорошей жизни Чапаевы продали свой дом и переехали к нам в Балаково в начале 90-х годов. В маленькой деревеньке работы не было, трудно было прокормить большую семью.

– Сколько же у них в семье было детей?

– Девять. Но четверо умерли в младенчестве. Василий Иванович был шестым ребёнком. Как гласит легенда, родился он недоношенным и отогревался в меховой отцовской рукавице на печи. Отец даже вырезал деревянную миску для купания младенца, и эта «купель» хранилась в семье в качестве реликвии.

– Но вырос он крепким парнем, коль стал командиром в Красной армии, – подметила я.

– Да и не только в Красной, – дополнила служащая. – Василию Ивановичу пришлось воевать в царской армии, при-

нимать участие в Первой мировой войне, где за героизм был награждён четырьмя Георгиевскими крестами, Георгиевской медалью и получил звание унтер-офицера. О сражениях Василия Ивановича с врагами советской власти Вы наверняка наслышаны. Между прочим, двое его братьев отдали жизни за революционные идеи. Старшего брата Андрея казнили в Русско-японскую войну за «подстрекательство против царя». Григория, младшего брата, зверски убили во время контрреволюционного восстания в 1918 году. Он был тогда комиссаром в нашем городе.

Тут я вспомнила о мужчине, который мне рассказал о «Варфоломеевской ночи» в Балакове, и направилась к стендам. Моё внимание сразу же привлекла старая пожелтевшая фотография, на которой был запечатлён бравый военный с лихо закрученными вверх усами, а рядом с ним красивая женщина в чёрном элегантном платье.

– Не Чапаев ли со своей избранницей? – попыталась я угадать.

– Да, это он. Вместе со своей любимой женой Пелагеей, – уточнила служащая. – Сложная у них была супружеская жизнь. Пока Чапаев воевал, жена влюбилась в соседа-кондуктора и убежала из дома, оставив детей на попечение родителей Василия.

– Жаль. Такие оба красивые, как будто созданы друг для друга, – заметила я с грустью.

Среди документов, представленных в экспозиции, я заме-

тила письмо, написанное, как будто бы детской корявой рукой с многочисленными ошибками.

– Это Василий Иванович обращался в командование, чтобы его отпустили из академии, – объяснила служащая. – И он добился своего, вернулся на фронт.

– Я-то думала, что только в анекдотах Василий Иванович такой малограмотный.

– Чапаеву не пришлось долго учиться, – пояснила служащая. – Отец отдал его в местную церковноприходскую школу, которой руководил их богатый родственник-священник. За какую-то провинность Василия посадили в холодный карцер в одной рубашке. Мальчик весь продрог, в отчаянии выбил ногой окно и босиком в лютый мороз убежал домой. Отец, узнав о случившемся, сына не ругал, растёр водкой и отправил отогреваться на печку. Но Василий всё равно простудился, долго болел, продолжать учёбу в школе отказался, – дополнила служащая. – Несмотря на малограмотность, Василий Иванович, был умным и сообразительным человеком.

– Поэтому его удостоили высокой чести и направили в академию, – подметила я и перевела разговор на другую тему. – А что Вы можете сказать о легендарной паре – Петьке и Анке-пулемётчице?

Сотрудница музея показала две фотографии. На одной из них была запечатлена черноволосая женщина с тёмными выразительными глазами, на другой – улыбался русский муж-

чина средних лет.

– Прототипом Анки была санитарка Мария Попова, – сообщила служащая, указав на фотографию женщины. – После окончания гражданской войны она окончила факультет советского права Московского университета, и её направили работать референтом в отдел торгпредства в Германию, где заодно она занималась разведывательной деятельностью. По словам её дочери, выступала посредником между Александрой Коллонтай, возглавлявшей в то время торгпредство, и сотрудниками газет и журналов.

– Интересная судьба. Из санитарки в помощники Коллонтай. А может, Мария и в дивизии Чапаева занималась разведкой? Приглядывала за новоиспечённым красным командиром, – предположила я.

Сотрудница музея улыбнулась, но мою догадку не поддержала.

– А это Пётр Исаев, прототип Петьки, – указала она на снимок мужчины. – Кстати, Петька вовсе не был юным ординарцем. Он был командиром связи, причем ровесником Чапаева и примерным семьянином, – подчеркнула она. – Никаких романтических отношений между Марией и Петькой никогда не возникало.

– Значит, это всего лишь литературная фантазия Фурманова? – удивилась я.

– Обратите внимание на буфет, – отвлеклась от рассказа сотрудница музея, – Его сделал сам Василий Иванович. Он

был большим мастером в столярном ремесле.

«Люди уходят, а дела их рук остаются, – думала я, с трепетом рассматривая потемневший от времени высокий буфет».

– Прекрасная работа. Похоже, что Василий Иванович умел не только воевать, – выразила я своё восхищение.

Со словами благодарности я покинула музей, где узнала много нового о Чапаеве и его окружении.

Прошли годы, наступила эпоха демократических перемен. Незвестные факты из жизни знаменитых людей всё чаще стали появляться в средствах массовой информации, но во времена необузданной гласности трудно отличить правду от вымысла.

В 2009 году по центральному телевидению показали новый документальный фильм о Чапаеве. За кадром рассуждали о феномене всенародной любви к герою. Эту любовь создатели фильма объяснили просто. Мол, большевики отняли у народа Бога, а простым людям необходимо кому-то поклоняться, вот они и возвели Чапаева на высокий пьедестал. Несомненно, в годы гражданской войны Чапаев был известной личностью, но широкая популярность пришла к нему после выхода знаменитого фильма. В эпоху построения социализма по заданию партии и правительства сочинялись романы, снимались художественные и документальные фильмы. Советскому руководству нужны были героиче-

ские личности для воспитания народных масс в духе патриотизма, но многие истинные факты из жизни героев скрывались или приглаживались. Для этой цели существовала строгая цензура из представителей верхушки партийного руководства.

То же самое произошло с романом Фурманова «Чапаев» и одноимённым фильмом Васильевых. Дмитрий Фурманов выполнил задачу, показал отважного красного командира, но в некоторых эпизодах Василий Иванович выглядит слишком простодушным. Возможно, это способствовало появлению множества анекдотов о нём. Люди, близко знавшие Чапаева, рассказывали, что Василий Иванович был человеком серьёзным и совсем непохожим на героя Фурманова. Возможно, присутствующая ирония в описании образа Чапаева была преднамеренной.

Фурманов прибыл в дивизию в качестве комиссара со своей женой Анной Стешко, чем вызвал недовольство командира. В воинских подразделениях Чапаев запрещал пребывать женщинам. Его приказ звучал так: «Приказываю выселить всех жен и невест комбригов, комполков и рядовых красноармейцев из всех подразделений дивизии...» Жена Фурманова не стала исключением. Чапаев тут же приказал: «Отослать вон в 24 часа!». Но комиссар отказался расстаться с женой. Обоюдные жалобы комдива и комиссара полетели к военному начальству.

Анна не растерялась, чтобы разрядить обстановку, орга-

низовала в дивизии самодеятельный театр. Трудно не заметить яркую женщину, да ещё царящую на сцене. Василий Иванович не устоял, начал оказывать особое внимание жене комиссара, чем вызвал новую бурю недовольства со стороны её супруга. Конфликт неожиданно разрешился, командование удалило из дивизии Фурманова вместе с женой. «Как ни отмахивайся, как ни подыскивай серьезные основания, по которым я пытался все время обвинить Чапая, но вижу, что подзадоривала, поджигала меня все время ревность», – позже вспоминал Дмитрий Андреевич в своих дневниках.

Много неточностей допустил Фурманов в своей книге, хотя знал Василия Ивановича не понаслышке. Он ввёл в уста своего героя рассказ о неправдоподобных фактах его биографии:

«Знаете, кто я? – спросил меня сегодня Чапаев, как сидели в санях, и глаза у него заблестели наивно и таинственно. – Я родился от дочери казанского губернатора и артиста-цыгана... Приехала это к матери да тут же при родах и умерла. Я остался щенок щенком. Куда, думают, укрыть этокое сокровище? Да и придумали. Зовут это дворника, а у дворника-то брат в деревне жил, – этому брату и подарили, словно игрушку какую.»

«Все ли у него так рассказано, как было, – откуда мне знать? – продолжил автор. – Прихвастнуть любил – этот грех за ним водился, – может, и тут что приплел для красного словца... Только и приплел ежели, так пустяк какой.» Сей-

час трудно определить, кто и как «приплёл».

В действительности Василий Иванович сиротой не был. Фамилия «Чапаев» в их роду появилась случайно. Его деда Степана Гаврилова назначали старшим в артели по выгрузке леса, который сплавляли по Волге. «Чепай!», – обычно он кричал своим товарищам вместо слова «цепай» (бери). Заменять букву «ц» на «ч» было привычным говором жителей окрестностей Чебоксар. Так деда и прозвали «Чепай», а его потомков стали звать Чапаевыми. Об этом рассказал Михаил Чапаев, брат командира. Василий Иванович подписывался правильно: «Чапаев». Фамилия Чапаев, скорее всего, не приглянулась Дмитрию Фурманову, и он назвал героя своего романа Чапаевым. С тех пор эта фамилия так и звучала.

Разными работами приходилось заниматься отцу Василия Ивановича, чтобы прокормить свою большую семью, но, в основном, он плотничал. Своих детей он тоже обучил этому мастерству. Повзрослев, они помогали ему строить коровники, дома, церкви.

Когда Василий отказался учиться в церковно-приходской школе, отец пристроил его в услужение к купцу. Сначала мальчик был на побегушках, а потом его начали обучать торговому делу, главным правилом которого было: «не обманешь – не продашь». Но Василий воспротивился такой перспективе, вернулся в отчий дом и плотничал вместе с братьями. «Детство мое было мрачным, тяжелым. Много при-

шлось унижаться и голодать. С малых лет мыкался по чужим людям», – вспоминал Василий Иванович.

В 1908 году Чапаева призвали служить в царскую армию, но весной 1909 года демобилизовали в запас. Василий воспользовался своим освобождением и решил жениться на Пелагее Метлиной, очаровательной шестнадцатилетней девушке из богатого рода священников. Черноокая красавица с пышной косой и весёлым нравом давно овладела сердцем Василия, ещё до его военной службы. Хотя родители противились их браку, в августе свадьба состоялась. Пелагея не разочаровала мужа, оказалась доброй хозяйкой. Одного за другим она родила ему троих детей – двух сыновей Александра и Аркадия, дочь Клавдию. «Вылитая черноглазая сука-мать», – восхищался Чапаев, любуясь, как жена возится с ребятишками.

В поисках работы Василию с семьёй пришлось переехать в Симбирск, потом перебраться в Мелекесс. Несмотря на трудности, они прожили несколько лет в любви и согласии. Первая мировая война нарушила их семейное счастье, в 1914 году Василия призвали защищать отечество. Перед отправкой на фронт жену с детьми он отвёз к своим родителям в Балаково. По всей вероятности, не простые отношения сложились у родителей Василия с нелюбимой снохой. Да ещё слухи поползли о неверности Пелагеи своему супругу. Не стерпел Иван Степанович, отправил сыну письмо на фронт с горькими новостями. Упросив военное на-

часть о краткосрочном отпуске, Василий тут же приехал домой. Убедившись в неверности жены, Чапаев настроился с ней развестись, но нелегко было расстаться с любимой женщиной. Василий Иванович простил Пелагею, на радостях они сфотографировались. Так появился снимок, на котором запечатлен Чапаев, храбрый унтер-офицер, вместе с красавицей-женой.

Недолго Пелагея тосковала без мужа, забрала детей и вместе с соседом-кондуктором покинула город. Её возлюбленный оставил ради неё больную жену и семерых детей, которых пришлось опекать сердобольным родителям Василия Ивановича.

В 1917 году Чапаев отобрал у жены детей и отвёз их в отчий дом. Перечить Пелагею не посмела.

Грянула Февральская революция. Видимо, идеи большевиков показались Чапаеву более привлекательными, в сентябре 1917 года он вступил в члены РКПб и получил важное задание. Николаевский уездный комитет партии направил его в 138-ой запасной пехотный полк. Бывший унтер-офицер сумел уговорить солдат не разбегаться, как это происходило в других воинских подразделениях царской армии, а выступить на стороне большевиков. Новая власть высоко оценила помощь Чапаева, назначив его в декабре 1917 года полковым командиром. Василий Иванович тут же приступил к общей демобилизации и набору в свой полк добровольцев, которых вооружал, наставлял, как бороться с населением, протесту-

ющим советской власти. Дела шли настолько успешно, что Чапаева в январе 1918 года назначили военным комиссаром Николаевского уезда.

Когда Василия Ивановича зачисляли в академию, на вопрос анкеты: «Принадлежите ли вы к числу активных членов партии? В чем выразилась ваша активность?» он ответил: «Принадлежу. Сформировал 7 полков Красной армии». Все эти полки боролись не только с белогвардейцами, но и жестоко подавляли восстания зажиточных крестьян.

«За отказ пойти в наступление расстреляно 29 красноармейцев. После этого с горячей речью выступил тов. Чапаев... после чего все мужское население Нижней Покровки до 50 лет включительно вступило в наши ряды и бросилось в атаку. Уложили свыше 1000 белоказаков. После боя среди пленных немецких солдат, чехословаков и венгров организована коммунистическая ячейка. Отказники расстреляны». Такое донесение было направлено в Москву.

О Чапаеве шла молва, как о строгом, но справедливом командире. «За игру в орлянку на деньги... разжаловать в рядовые. За игру в карты оштрафовать... на сто рублей. За хождение на блуд в соседнюю деревню... 40 плетей. За мародерство и вымогание денег... расстрелять!» Подобные приказы требовал безоговорочно исполнять Василий Иванович.

Когда Чапаев по собственному желанию покинул стены академии, его назначили командиром Особой Александро-

во-Гайской бригады 4-й армии, а в июне 1919 года он стал начальником 25-й стрелковой дивизии. Тем временем обстановка в Поволжье накалялась. Объявился новый враг советской власти – чехословацкий корпус из бывших военнопленных, которые были захвачены в плен ещё до подписания Брестского мира. Да и кровопролитные бои с белогвардейцами не прекращались. «Задача нашей дивизии – вновь нанести решительный удар, от которого противник не мог бы уже оправиться» – писал Чапаев в своем приказе от 17 мая 1919 года, а в июне 25-я дивизия заняла Уфу, в июле вошла в Уральск. Сам командир всегда был на переднем фланге, но не на боевом белом коне, как мы привыкли его представлять, а на автомобиле. Вверенная ему дивизия была не кавалеристской, а пехотной.

Василий Иванович верхом ездить не любил, да и после ранения остерегался. Однажды, вернувшись с боя, он бросил во дворе упряжку. Наутро спины лошадей были стёрты до крови. Его отец, служивший в дивизии конюхом, так рассердился, что побил своего сына-комдива нагайкой. Василий Иванович безропотно снёс отцовскую науку и ещё просил прощения: «Тятя, прости, недосмотрел по дурасти!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.